

Хан Сизнь заинтересовался уловкой с «ловлей на живца» исключительно из любопытства, не вкладывая в это иного смысла.

А вот Бай Шу не на шутку разозлился. В его глазах красота молодого господина была совершенной, и намеки Цзи Ло на какую-то «женскую прелесть» казались ему прямым оскорблением юноши.

Сам же Третий принц, едва слетело с губ это двусмысленное словосочетание, принялся украдкой вглядываться в лицо Хана Сизня. Заметив, что тот остался совершенно равнодушен, он мысленно выдохнул.

Предупреждение принца не было беспочвенным. Получив приглашение от генерал-губернатора Чжоу Мааня, они с Цзи Юэ долго обсуждали сложившуюся ситуацию и сошлись во мнении: подношение в виде писанных красавиц — излюбленный и весьма действенный прием местных чиновников.

С древних времен южные земли Цзяннаня славились двумя вещами — серебром и прекрасными девами.

Пытаться подкупить Хана Сизня деньгами здешние мздоимцы вряд ли бы решились — репутация грозного Императорского уполномоченного, нещадно разоряющего усадьбы взяточников, бежала впереди него. Значит, оставался лишь второй, проверенный временем соблазн.

Местная знать наверняка досконально изучила биографию юноши.

Хан Сизнь находился в том самом нежном возрасте, когда кровь горит юношескими порывами. Однако из-за слабого здоровья он вечно выглядел болезненным, и в свои пятнадцать лет так и не обзавелся невестой в столице. Окружающие полагали, что виной тому его невзрачный вид и скверный характер, к тому же при нем не видели ни наложников-гэеров, ни согревающих постель служанок.

Если южные лисоловы подсунут ему девицу или гэера, которые сумеют изобразить искреннюю привязанность и не побрезгуют его болезненностью, они легко вкрадутся в доверие. И тогда все дальнейшие действия уполномоченного окажутся под угрозой.

Именно поэтому Цзи Ло решил предостеречь его лично. Молодые люди слишком падки на ласку: легко теряют голову, влюбляются и поддаются нашептываниям на подушке, забывая о долге и справедливости.

Эти слова были не просто дружеским советом, но и прагматичным расчетом принца, вступившего в борьбу за престол. В прошлой жизни он почти не сталкивался с Ханом Сизнем и остался равнодушен к его безвременной кончине. Но сейчас он искренне желал, чтобы этот юноша остался жив.

Закончив разговор, Цзи Ло и Цзи Юэ попрощались и ушли.

В прежней жизни пути Цзи Ло и Цзи Юэ пересекались редко. Наследник уездного князя Юна всегда отличался поразительной рассудительностью и твердостью характера.

Благодаря его упорству поместье уездного князя Юна не втянулось в дворцовые интриги и не примкнуло ни к одной из соперничающих фракций, оставшись редким оплотом благородства среди столичной знати. Сам молодой княжич пользовался искренним расположением ныне правящего государя.

Нынешняя поездка на юг сблизила молодых людей. Они смогли лучше узнать друг друга, и теперь, по крайней мере на время пребывания в Цзяннане, их цели полностью совпадали.

Цзи Ло радовался такому исходу. Хорошее впечатление — уже залог успеха. Семью уездного князя Юна бессмысленно затягивать в политические сети, с ними нужно лишь поддерживать ровные, дружеские отношения. И если сейчас ему удалось завоевать уважение наследника, в будущем это знакомство вполне могло спасти ему жизнь.

От этой мысли на губах принца заиграла легкая улыбка. Цзи Юэ, заметив это, лишь недоуменно качнул головой, в очередной раз поразившись непредсказуемости и таинственности кузена.

На прием в резиденцию генерал-губернатора Чжоу Мааня инструктор Бай Шу не мог пойти открыто, поскольку не числился в официальной свите Императорского уполномоченного. Однако предостережение о «ловушке красоты» не давало ему покоя, и он решил пробраться туда тайно.

Его воинское мастерство было безупречным, а осторожность — предельной, так что обнаружения он не боялся. Впрочем, благодаря своему необычайному дару Хан Сизнь почувал присутствие телохранителя с первой же секунды.

Тем не менее юноша предпочел притвориться, будто ничего не заметил. В этой жизни он твердо решил потакать лишь собственным прихотям и не собирался вновь раскрывать свои сверхъестественные способности, рискуя превратиться в беззащитную подопытную зверушку.

Приветственный пир Чжоу Маань устроил в глубине своей усадьбы. Обстановка на первый взгляд казалась скромной, но каждая мелочь была продумана до безумия изящно. Ради соблюдения приличий гостей разделили: мужчины и женщины пировали в разных, скрытых друг от друга двориках.

Без особого умысла туда невозможно было забрести, так что уединение никто не нарушал. Гостей обслуживали расторопные служанки дома Чжоу, создавая атмосферу непринужденности — ненавязчивой и лишенной какого-либо намека на слежку.

Даже вечно придирчивый Хан Сиэнь мысленно признал, что хозяину дома несказанно повезло с супругой.

Среди собравшихся, помимо столичной делегации, присутствовали чиновники всех рангов со всей провинции Лючжоу. Пригласили и третьего дядю юноши, Хана Пина. Тот с самого начала сидел мрачнее тучи.

Когда же появился его племянник и сам генерал-губернатор Чжоу заговорил с ним с подчеркнутым почтением, дядя невольно вспомнил ядовитые усмешки и колкие речи, которыми осыпал его этот несносный мальчишка при личной встрече.

От этих мыслей у Хана Пина защемило в груди, а лицо его сделалось чернее сажи. Ситуацию усугубляли крутившиеся рядом сослуживцы: они то и дело принимались расспрашивать о его родстве с грозным инспектором, настойчиво пытаясь выведать, благосклонен ли к нему племянник. Это окончательно отравило ему вечер.

Перед началом трапезы хозяин дома пригласил почетных гостей занять свои места. Рассадка на официальных приемах — дело тонкое: положение стула наглядно демонстрировало влияние и ранг сидящего.

Поскольку все трое — облеченный императорской волей Императорский уполномоченный Хан Сиэнь, Третий принц Цзи Ло и наследный княжич Цзи Юэ — обладали высочайшим статусом, генерал-губернатор отвел самое почетное место принцу. Но когда Чжоу Маань радушно указал на него, Цзи Ло лишь мягко улыбнулся:

— Господин Чжоу, оставьте церемонии. Перед отъездом отец-император ясно дал понять: в этой поездке все бразды правления принадлежат наследнику Хану. Никто не вправе вмешиваться в его решения, даже члены правящей династии. Так что это кресло по праву принадлежит господину уполномоченному.

Хозяин дома изобразил на лице крайнее изумление, но тут же поспешил скрыть замешательство и низко поклонился:

— Ничтожный слуга просит простить его за оплошность. Ваше Высочество наделен столь великой честью, что я невольно запутался в порядке приличий.

Хан Сиэнь со стороны молча наблюдал за этой неуклюжей попыткой генерал-губернатора сгладить гостей между собой. Этот чинуша тратил все силы на плетение интриг, начисто забывая о настоящем деле.

— Раз уж в этот раз сглупили, впредь старайтесь почаще задействовать голову, — ядовито усмехнулся юноша.

Оставив покрасневшего от такой дерзости Чжоу Мааня позади, он небрежно задел его плечом, прошел к главному креслу и преспокойно уселся.

Цзи Ло и Цзи Юэ переглянулись и с невозмутимым видом последовали его примеру.

Лицо генерал-губернатора побелело, брови сердито сошлись на переносице, а в душе вскипела глухая обида. Разумеется, выказать недовольство открыто он не смел, а потому загнал злость поглубже, возненавидев строптивого юношу еще сильнее.

Но как бы ни klokотал в нем гнев, оставалось лишь терпеть.

Вскоре слуги начали разносить угощения. Поскольку провинция Лючжоу считалась зоной бедствия, яства подали подчеркнуто скромные — на столах почти не было мяса. Хан Сизнь сразу раскусил это показное смирение и к еде даже не притронулся, зато местное вино пришлось ему по вкусу, и он с удовольствием осушил пару кубков.

Заметив это, Чжоу Маань едва заметно кивнул слуге, и за резной ширмой неподалеку раздались нежные, переливчатые звуки циня. Музыка лилась легко и утонченно.

Цзи Ло и Цзи Юэ, выросшие во дворцовой роскоши, на своем веку наслушались лучших музыкантов империи, однако эта мелодия показалась им необычной. Наследник уездного князя Юна даже уловил в ней нечто такое, что заставило его с любопытством прислушаться.

Хан Сизнь тоже перевел взгляд в сторону ширмы, и на его бледном лице отразился легкий интерес.

Когда мелодия затихла, генерал-губернатор обратился к посланнику с полушутливым поклоном:

— Эти музыканты — скромные слуги моей усадьбы. Решил порадовать высоких гостей из столицы, чтобы скрасить их дорожную усталость. Надеюсь, господин уполномоченный не станет карать меня за такое самоуправство?

Хан Сизнь опустил кубок. На его бледных щеках выступил легкий хмельной румянец.

— Вы излишне скромничаете, господин Чжоу, — лениво прищурился он. — Ваши люди играют для нас, и это делает нам честь. Вы ведь не силой притащили сюда добропорядочных девиц или гэеров ради нашей забавы? Впрочем, даже если бы и так — я прибыл по указу Его Величества спасать людей от голода, а не совать нос в чужие дела.

В глазах генерал-губернатора промелькнуло раздражение. Он ума не мог приложить, почему этот мальчишка умудряется портить воздух каждым своим словом. Сдержав вздох, хозяин дома тихо кашлянул, как вдруг из-за ширмы донесся негромкий испуганный вскрик.

Чжоу Маань недовольно нахмурился:

— Что там стряслось?

Слуги поспешно отодвинули ширму. На полу, склонив головы, сидели молодая женщина и изящный гэер. На тонком пальце юноши-гэера выступила алая капля, а на туго натянутой струне циня остался кровавый след.

Оба музыканта принялись испуганно бить поклоны, вымаливая пощаду.

Цзи Юэ, ценивший прекрасное во всех проявлениях, снисходительно улыбнулся:

— Мне с самого начала показалось, что эта мелодия звучит на редкость богато. Надо же, играть в четыре руки и при этом столь слаженно! Я-то грешным делом подумал, будто у инструмента сидит один человек. Мое почтение, господин Чжоу, вы превосходно воспитываете своих слуг.

Генерал-губернатор покосился на княжича, тщетно пытаясь уловить в его словах скрытую насмешку. Впрочем, шла ли речь об искренней похвале или о тонком издевательстве, на душе у хозяина дома все равно остался неприятный осадок.

Тем не менее благодаря своевременному заступничеству Цзи Юэ наказывать нерадивых музыкантов никто не стал.

Музыканты приблизились, чтобы поблагодарить за милость, и несмело подняли головы. Только тогда гости смогли разглядеть их лица.

Девушка была бесспорно хороша собой: влажный, полный неги взгляд томных глаз выдавал в ней редкую красавицу.

Однако все взгляды мгновенно приковал к себе юноша-гэер.

На первый взгляд его черты казались неприметными. Но стоило взглянуть пристальнее, как в глаза бросался его манящий, завораживающий взор, а яркая алая родинка меж тонких бровей придавала ему колдовское очарование. Третий же взгляд заставлял затаить дыхание от его гибкого, изящного стана — в каждом движении этого тела сквозила природная, чувственная грация.

В нем удивительным образом уживались надменная холодность и дразнящий соблазн. Эти противоречивые черты переплетались настолько гармонично, что оторвать от него глаз было решительно невозможно.

Хан Сиэнь не сводил с юноши-гэера пристального взгляда, а на его губах блуждала довольная улыбка.

Чжоу Маань и другие чиновники заговорщицки переглянулись, едва сдерживая торжество. С незапамятных времен даже великие мужи теряли голову перед чарами красоты, что уж говорить о безрассудном юнце, который и близко не походил на героя.

Больше хозяин дома не устраивал никаких представлений, и остаток вечера прошел в натянутом, но вполне мирном русле.

К концу пиршества Хан Сиэнь изрядно захмелел.

Он ехал в паланкине, полузакрыв глаза от истомы. Когда они наконец добрались до временного пристанища, сопровождавший его слуга Ань Цао заметил у ворот коленопреклоненную фигуру. Это был тот самый юноша-гэер из резиденции генерал-губернатора.

Едва завидев носилки уполномоченного, он низко склонился, коснувшись лбом холодной земли.

Ань Цао поспешил доложить об этом господину. Пьяно сощурившись, Хан Сиэнь приподнял занавесь и равнодушно бросил:

— Отведи его в мой внутренний дворик.

Слуга растерянно замер, а в душе его поднялось целое смятение. Он невольно подумал: неужто молодой господин наконец остепенился и решил обзавестись верным наложником для услады тела?

<http://bllate.org/book/20088/2002010>